

18+

Виктор Каев

Защита вслепую

Детективные истории

Виктор Каев

**Защита вслепую.
Детективные истории**

«Издательские решения»

Каев В.

Защита вслепую. Детективные истории / В. Каев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854913-7

Игорь Резников несколько лет не был в своём городе. Вернувшись туда после личной драмы, пробует начать жить заново. Но эта попытка оказалась серьёзным испытанием: убит человек, и Игорь пытается понять, кто убийца, и защитить близких ему людей.

ISBN 978-5-44-854913-7

© Каев В.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	7
3	10
4	11
5	12
6	14
7	17
8	20
9	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Защита вслепую Детективные истории

Виктор Каев

© Виктор Каев, 2017

ISBN 978-5-4485-4913-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«26 сентября 1999 года будут проводиться выборы главы городского самоуправления (мэра) города.

Избирательной комиссией области на должность главы городского самоуправления (мэра) города зарегистрировано 5 кандидатов.

В соответствии с областным законодательством о выборах в органы местного самоуправления области, выборы главы городского самоуправления (мэра) города считаются состоявшимися при участии в них не менее 25 процентов от числа зарегистрированных избирателей, а избранным признается кандидат, получивший наибольшее число действительных голосов избирателей, принявших участие в голосовании».

«Городской вестник»

29 сентября 1999 года.

1

Голова почему-то совершенно не болела. Правда, во рту была отвратительная сухость. Казалось, что задевая за зубы, язык издавал внятный шорох. Игорь потянулся рукой за сигаретами. Полупустая пачка питерского «Честерфилда» и зажигалка валялись рядом с переполненной пепельницей прямо на полу возле его раскладушки. Достав сигарету, он повертел её в руке, но не прикурил и швырнул на пол. Скрипнув пружинами раскладушки, он встал и, осторожно ступая босыми неверными ногами, побрёл на кухню.

Его взгляду во всей красе предстал стол, заполненный пустыми бутылками, грязной посудой и остатками закуски. В подсохшей на полу грязной лужице скрючились несколько окурков. То, что он почуял, вдохнув кухонный воздух, вряд ли можно было назвать ароматом.

Игоря замутило, и он резко распахнул окно, чтобы хлебнуть свежего утреннего воздуха.

На улице было прохладно и тихо. Солнце ещё только собиралось высунуться из-за ближайшей крыши. Наперебой щебетали птицы. Со своего пятого этажа Игорь увидел фигуру дворничихи, уверенно размахивавшей метлой, ритмичный шорох которой придавал утру ощущение особой чистоты и какой-то прозрачной умытости. Дурнота отступила.

Опустив глаза, он увидел себя в маленьком зеркальце, стоявшем на подоконнике. Лицо помятое, под глазами припухло, короткие волосы спутались и торчали в разные стороны. Щетина серо-рыжей масти украшала щёки. Игорь с отвращением уставился в мать собственного взгляда.

В нём опять вспыхнуло отчаяние. Снова сильно сдавило сердце, доставив мучительную боль, выталкивая откуда-то из глубины в эти мутные глаза жгучие капли злых и несвойственных мужику слёз.

– О, господи! – шевельнулось в нём сознание, – Неужели это меня так и не отпустит?

Он вспомнил, как вчера здесь на кухне со своим старым приятелем Володькой Степанцовым заливал водкой свою беду. Как, истерично похохатывая, глумился над собой, рисуя ему события последних двух месяцев. Он вспомнил, как после каждого стакана слабело, казалось, чувство ужаса перед обступившими его пустотой и одиночеством.

Нет. Это дурость полная. Только не опускаться! Надо как-то держать себя в руках. Но, боже мой! Что я вообще делаю в этом городе?

Сухость во рту на некоторое время отвлекла Игоря от мыслей, и он принялся искать, чем её утолить. Пиво выпито. Банка из-под солёных огурцов опрокинута, а рассол растёкся по столу и полу. Открыв кран, Игорь слил воду похолоднее и, ловя её ртом, жадно принялся глотать. Временно уняв пламя внутри, стараясь ни о чём не думать, он взялся за наведение порядка: лишь бы чем-нибудь себя занять.

Перемыв посуду и спрятав постель и раскладушку, он смахнул пыль, вымыл полы и вынес мусор. Только после всего этого Игорь отправился в ванную. Он долго и тщательно чистил зубы, скоблил бритвенным станком покрытые пеной щёки. Затем залез под душ и открыл горячую обжигающую воду. Затем холодную. Снова горячую.

После душа он, почувствовав себя лучше, растёрся хорошенько полотенцем и вышел из ванной несколько освежевшимся.

В квартире было чисто, тихо и пусто.

Чем теперь заняться, он не знал.

2

Ермоленко, сидя в мягком кресле, откинул курчавую голову на спинку, закрыл глаза и вытянул длинные ноги. Он здорово устал. Уже две недели не ложился раньше часа ночи, а вставать всё равно приходилось, как и раньше, в 5.30. Время утекало стремительно, как вода через решето, и его ни на что не хватало. Вот и сейчас уже, наверное, давно спят дома сынишка и жена, а он всё ещё не готов к завтрашнему дню. Снова и снова в этой душной штабной комнате он кроит и перекраивает сценарии вероятного развития событий на завтрашних встречах с избирателями. Хуже всего было то, что его основной соперник, нынешний мэр города Дятлов, практически открыто стал пользоваться поддержкой самой известной в городе бандаитской группировки. Деньги на предвыборные манипуляции потекли к нему рекой. Попытки Ермоленко сопротивляться ничего не давали. Судя по всему, было уплачено вперёд и членам избирательной комиссии, и редакциям городских газет, и единственным в городе телевизионщикам. А может их взяли на испуг? Пока ещё как-то держалась редакция местного радио. А сегодня он впервые ощутил позицию областного начальства, которое вдруг разразилось в печати комплиментами Дятлову. И управленец-то он грамотный, и кругозор-то у него широкий, и в это трудное время сумел изыскать средства и обеспечил ветеранам льготный проезд на городском транспорте и т. д. и т. п. На контрпропаганду рассчитывать практически не приходится. Разве только на встречах с избирателями. Но это слишком маленькая аудитория! И как их убедить поверить?!

– Саша! Поставь, пожалуйста, чайник.

Саша Логвин, невысокий худенький блондин со смешливым лицом лет двадцати восьми, прекратил тукать пальцем по клавиатуре компьютера, разогнулся и с хрустом потянулся.

– Николай Васильевич! Опять я? Теперь пусть идёт Свешников. А то дрыхнет, как счастливый ребёнок!

– Ладно тебе! Кончай лодыря праздновать! Человек устал, вырубился, а раз так – пусть отдохнёт. Хоть немного. А то завтра будет выглядеть как бож с похмелья. А ему встречу вести. Да и тебе, слушай, размяться не мешает. Так ведь скоро заостенеешь в этой позе.

– Что – да, то – да!

Саша вздохнул, встал и, прихватив пустой чайник, вышел за дверь.

Некоторое время тишину нарушало только посапывание Свешникова и кряхтение художника Славика Ильина, темноволосого коротко стриженного парня с тонкими губами и сосредоточенными карими глазами, который в углу на полу, неудобно скорчив свою длинномерную спортивную фигуру, дописывал текст на афише.

Резко затрещал телефон. Свешников вздрогнул и проснулся. Ермоленко снял трубку, приложил её к уху и послушал.

– ...Да я это, я! Чего тебе? ...Нет. Ещё минут тридцать побудем здесь, но надо уже и по домам расползаться. А то я совершенно никакой, да и ребята чуть тёплые... Ну-у! Если успеешь, приходи... С машиной? Тем более. Развезёшь нас... Кто? ...Нет. Не помню... У-уу! Так это уже сколько лет прошло! Нет, что-то не припомню... Ну, ладно, ладно. Ты же знаешь, я каждому помощнику рад. Давайте. Ждём.

Он положил трубку.

– Кто там? – спросил Свешников сиплым спросонок голосом.

– Степанцов. Какого-то парня везёт. Говорит, он толковый специалист по выборам. И сейчас совершенно свободен.

Свешников приспособил на нос свои очки с толстыми стёклами. От этого его подслеповатые глазки сделались огромными, и, казалось, он их специально таращит.

– Свободен от чего? – заинтересовался он.

– Н-ну-у! Не знаю... Я так понял, что от всего. От работы – точно. То есть, он сейчас нигде не работает.

– Так-так! Специалист, значит...? Славненько. Нам специалисты очень даже...

Свешников встал. Прошёлся, позёывая, по комнате. Постоял возле согнувшегося Славика, туповато и равнодушно рассматривая его «шедевр». Потом, заложив за спину руки, быстро и ловко крутнулся на коротких кривоватых ножках и вновь оказался лицом к Ермоленко.

– А где Логвин? Ты что, уже отпустил этого лоботряса...? Вечно ты его больше всех жалеешь.

В это время вошёл, хлопнув дверью, Саша, торжественно неся впереди себя слегка помятый старый электрочайник, по запотевшему боку которого стекали капельки холодной воды, оставляя блестящие дорожки.

– А-а! Господин Свешников! Выспались? Теперь, наверное, свеженький, как огурчик! А мы тут все в заботах. И о Вас в том числе. Вот, как видите, сейчас Вам кофейку предложим. Мы Вас ценим и бережём.

– И это правильно! Я ведь ваш мозг. Интеллект, можно сказать, высшего уровня. Моё дело думать, а Ваше, Александр, – за водой для таких, как я, бегать, кофе подавать и мои умные мысли фиксировать.

В углу вздохнул Славик и проговорил хриловатым тенорком:

– Эх, везёт же людям! Мне бы такие мозги! Я бы с 11 до 13 думал, с 13 до 15 обедал, с 15 до 16 изрекал придуманное. А всё остальное время – на баб, на баб...!

Свешников повернулся на каблуках в его сторону.

– Э-э-э! Ми-и-лай! Это мало – родиться с таким мозгом. Его потом всю жизнь тренировать и воспитывать надо. Не всем это дано. Не всем!

Сказав это, он гордо задрал подбородок и петушком прошёлся по комнате под одобрительные смешки присутствующих.

Ермоленко отодвинул штору и, молча, посмотрел через окно на ночной город. Из-за позднего времени огней было мало. Светили лишь уличные фонари да кое-где редкие окна квартир. В районе центра города света было больше. Там светились немногочисленные рекламные панно и неоновые вывески ресторанов. Такие только недавно стали появляться на улицах города, и было их ещё пока мало.

Входная дверь распахнулась.

– Всем привет! Ну, вы даёте! Неужели у вас столько работы, что надо сидеть до такого времени?

Говоривший это мужчина вошёл в комнату и впустил за собой своего спутника.

Они чем-то были похожи друг на друга. Оба заметно выше среднего роста, тридцати двух – тридцати пяти лет, с крепкими плечами, в джинсах и футболках.

– Не говори, Володя! Самим уже тошно...

Ермоленко усталым взглядом словно подтверждал свои слова. Когда все поздоровались и пожали друг другу руки, Степанцов представил второго мужчину.

– Знакомьтесь. Это Резников Игорь Николаевич. Он только на днях вернулся в наш город. Он наш земляк, но не был здесь несколько лет. Мы с ним вместе служили.

Ермоленко оценивающе посмотрел на новенького.

– Вам действительно раньше приходилось заниматься выборными кампаниями?

– Да. Дважды. Работал по найму в качестве социального психолога – имиджмейкера в командах претендентов. Их избрали.

Его голос был низким, хриловатым и негромким, но было ясно, что это нарочитая, хотя и привычная, сдержанность манеры говорить. Ермоленко отметил про себя внимательный

и колючий взгляд крупных серых глаз. Было такое впечатление, словно этот человек про него уже всё понял. Он поёжился.

– Ну, что ж! Я готов включить Вас в команду, но платить, к сожалению, не смогу. Мы тут все работаем на общественных началах. Можно сказать – за идею.

– А в чём идея, если не секрет?

– Какие секреты? Просто осточертел этот бордель: все чиновники продаются, бюджеты пуст, зарплату не платят, пенсию задерживают, предприятия задыхаются. Кругом нищета! А посреди всего этого безобразия растут особняки банкиров, чиновников, бандитов, и ездят лимузины и джипы с затемнёнными стёклами и вооружёнными мордоворотами. Я понимаю, что выиграть выборы почти невозможно, но хоть нервы им всем подпорчу. Но, если повезёт, и меня выберут, костыми лягу, но игру эту подлую поломаю.

Глаза Резникова потеплели. Или так показалось Ермоленко.

– Идея мне подходит. А что до зарплаты, то я смогу пока и без неё. Да так и лучше. Свободнее себя чувствуешь. Будем считать, что соглашение подписано.

– Прекрасно. Завтра здесь, в восемь утра, я Вам дам все необходимые материалы. Вы с ними познакомитесь. А в 11.30 я вернусь со встречи с избирателями, и мы посидим, пообщаемся. Мне очень интересно будет услышать Ваше мнение о нашей тактике.

Через некоторое время штабная комната опустела, и Степанцов повёз всех на своей «волге» по домам.

3

Некоторое время он ещё слышал неторопливые удаляющиеся шаги. Потом негромко хлопнула дверца автомобиля, зарокотал мощный мотор, и машина с визгом колёс рванулась с места. Через несколько секунд стало совсем тихо, только слабый ночной ветерок шелестел листвой, да где-то неподалёку еле слышно журчала вода. Он не мог пошевелиться. Сознание вяло фиксировало, что он лежит ничком на тёплом и грязном асфальте. Живот жгла острая боль. Он чувствовал, как из него редкими толчками вытекает тёплая кровь, уже образовавшая под ним вязкую лужу. Его мысли, как и его кровь, текли всё медленнее и медленнее. В глазах плыли разноцветные круги. Затем они потускнели, сделались едва различимыми, и он стал падать в глухую чёрную пустоту...

4

– Михалыч!

– Чего?

– Тащи-ка тележку вон туда! Гляди, сколь там хлама накидали!

– Щас. Только энту фигню всю догружу.

– Слышь, Михалыч! А Зинка тебе опять денег не ссудила? Голова – как пустой котёл!

Аж звенит! Похмелиться бы...

– Да, ну её..., стерву! Зажала пенсию...

Серый рассветный склон неба голубел. В доме начали зажигаться окна. Люди вставали, завтракали, собирались на работу. Процокала по тротуару шпильками девушка из первого подъезда, торопясь к остановке троллейбуса. Эхо её шагов весело метнулось по двору.

– Кольк! А, Кольк!

– Ну?

– ...Иди-ка сюда. Погляди, чего здесь есть...!

Голос дворника Михалыча прозвучал странно, заметно дрогнув на последнем слове.

Его помощник, издали вытягивая небритую шею, чтобы разглядеть, чем так удивлён Михалыч, приблизился, потом вдруг замер, выкатил глаза, утробно рыгнул и шагнул в сторону к кустам. Его вырвало...

Наконец посеревшим лицом он обернулся к Михалычу, длинно и витиевато выматерился и сказал:

– Надо звонить в ментовку.

5

– Папа! Па-апочка!

Огромные глаза дочери, полные страдания и слёз, смотрели на Игоря, а её руки тянулись в его сторону сквозь толстые ржавые прутья решётки, загораживавшей дверной проём в борту здорового автофургона. Лариса с молчаливым равнодушием удерживала дочь за воротник пёстрой детской курточки, не давая ей дотянуться до отца. Фургон, утробно урча мотором, медленно удалялся от Игоря по разбитой колее грязной просёлочной дороге, тяжело проваливаясь колёсами в ямы и расплёскивая мутную холодную жижу дорожных луж.

Игорь пытался кричать, напрягался изо всех сил, но из раскрытого рта не мог выдавить ни звука. Он хотел бежать за этой странной машиной, но ноги словно приросли к земле. Голос дочери слышался всё слабее. Острая непереносимая боль разрывала ему сердце.

– Доченька! Родная! Вернись! – осатанело колотились в его мозгу слова, которые он никак не мог выкрикнуть...

Напряжённый и взмокший от пережитого горя он резко открыл глаза. Сердце едва не выскакивало из груди. В комнате стояла тишина, и было уже совсем светло. Сновидение всё ещё переполняло его своей страшной гнетущей силой. Он некоторое время лежал, не шевелясь, стараясь взять себя в руки и успокоиться. Тоска, которую он постоянно испытывал после разлуки с дочерью, медленно отступала куда-то в глубину его измученной этими страданиями души.

Внезапно он спохватился и бросил взгляд на часы. Было уже десять минут восьмого. Сообразив, что уже опаздывает, он вскочил с раскладушки, и торопливо забегал по квартире, наскоро приводя себя в порядок.

Добравшись на троллейбусе до нужной остановки, он отыскал Дом культуры строителей и бегом взбежал на второй этаж служебного крыла здания. Часы показывали 8.05. Дверь штабной комнаты была заперта. Он понял, что его ещё никто не ждёт, и облегчённо перевёл дух, т.к. терпеть не мог опаздывать. Через десять минут появился парень, которого он вчера видел в штабе рисующим плакат. Кажется, его называли Славиком. Они поздоровались.

Славик отпер дверь и пригласил Игоря войти. В комнате стоял тяжёлый дух от вчерашних бесчисленных перекуров.

– Видимо, Николай Васильевич уже не успеет забежать, так что Вы пока сами посмотрите его папки вот здесь на столе.

Говоря это, Славик распахнул окно. Свежий воздух вместе с уличным шумом ворвался в комнату. Игорь решил, что действительно так будет лучше и, усевшись за стол Ермоленко, принялся просматривать материалы. Славик, как и вчера, склонился над очередным плакатом. Погрузившись в работу, Игорь отвлекся от тяжких мыслей и через некоторое время практически успокоился. Листая документы, он почувствовал привычный деловой азарт. Нужно было отдать должное команде Ермоленко. Их концепция была вполне грамотной, и, при определённых условиях, могла оказаться вполне выигрышной. Довольно удачно были обнаружены и оценены слабые места соперников, ясно и точно обозначены их болевые точки. Но, в то же время, были заметны и чисто психологические просчёты, которые могли основательно повредить восприятию населением Ермоленко как человека, способного взять власть в городе в свои руки. Но особенно насторожили Игоря отрывочные сведения о связях Дятлова с криминалом. В этом, разумеется, не было ничего необычного. В наши дни было бы, пожалуй, удивительно, если бы таких связей у Дятлова как у мэра не обнаружилось. Просто сведения эти были уж слишком неконкретны и не приведены в систему. При таком положении дел серьёзную работу по защите от криминального давления выстроить было невозможно. Игорь решил переговорить об этом с Ермоленко в первую очередь.

Зазвонил телефон. Славик подошёл к аппарату и поднял трубку.

– Да. Я. ...Ермоленко? Нет, его здесь нет. Он и не заходил. Вот Резников его ждал, но он не пришёл. ...Нет, и не звонил. ...И он не в курсе...? Не знаю, ищи его сам. Я даже не представляю, где это он может... Давай, пока!

Славик положил трубку и удивлённо уставился на Игоря, не произнося ни слова. У Игоря вдруг засосало под ложечкой.

– Он что, не пришёл на встречу с избирателями?

– Да.

– А домой звонили?

– Да.

– А Степанцову? Он же его последнего домой отвозил. Может, он что-то знает?

– И ему звонили. Он тоже не в курсе.

– Вот это номер! А, может, у него есть какая-нибудь секретная нычка, или, может, женщина...?

В ответ Славик посмотрел на него как на ненормального.

– Да не смотри ты на меня так. Я же его вообще пока не знаю! И потом, надо же обдумывать какие-то версии! Не мог же он просто так без причин не прийти на встречу с избирателями. Это же полный завал...!

– Слушайте, а может, что-нибудь стряслось? С ним лично?

Славик снова схватил телефонную трубку и торопливо набрал номер «скорой помощи».

– Здравствуйте, скажите, пожалуйста, вы этой ночью никаких происшествий не регистрировали? ...Меня интересует мужчина сорока двух лет по фамилии Ермоленко, Николай Васильевич. ...А в чём он одет...? ...С-спасибо... Д-да, конечно. ...Моя? Ильин. Ростислав Сергеевич. ...Я вместе с ним работаю. Работал. ...Да-да, л-ладно.

По мере того, как он всё это говорил, его лицо всё больше серело и вытягивалось, а руки начали трястись мелкой дрожью. Когда он положил трубку, у него стучали зубы. Игорь, уже всё поняв, очумело смотрел на Славика не в силах вымолвить хоть слово. Потом он прокашлялся и спросил:

– Что, нужно опознавать?

– Да.

Ответив, Славик как-то весь съёжился и снова замолк, уставив хмурый взгляд в угол.

– Ну, и что они тебе рассказали?

– Да ничего, собственно. Они ничего и не знают. Просто сказали, что доставлен труп похожего гражданина, без документов. Проникающее ранение брюшной полости. Видимо, нож...

– Да-а...! Ну, ладно. Чего ж теперь сидеть? Поехали смотреть. Жене пока звонить не будем. Даст Бог, не он это.

Они встали и, заперев комнату, отправились к остановке троллейбуса.

6

Это всё же был Ермоленко. Узнать его не составило никакого труда, поскольку лицо было не повреждено. И, если бы не смертельная бледность, можно было подумать, что он просто спит. Игорь и Славик отупело смотрели в это лицо. Игорь никак не мог собраться с мыслями. Он постепенно начинал понимать, что в его жизни начал было происходить очередной поворот, который, к несчастью, оборвался, едва успев начаться. Он никак не мог сообразить, что делать дальше. Рассеянно отвечая на вопросы сотрудника милиции, он всё же пытался, как бы в под-сознании, выстроить план самых необходимых первых действий. Надо позвонить жене Ермоленко. Надо как-то оповестить Свешникова и остальных ребят. Да, чёрт возьми, вот и не будет уже у этого города мэра по фамилии Ермоленко. Неужели его убрали конкуренты? Да. Это вполне вероятно. В наше время всего можно ожидать. Пришлѐпнут, и недорого возьмут. Пожалуй, это самая вероятная версия... Однако с этим разберутся без меня. А мужик вроде нормальный был. Очень жаль! И команду подобрал хорошую. Вполне возможно было попробовать вырвать эту победу на выборах. А теперь и ребята не у дел, и перспектив никаких. Все бессонные ночи зря, все труды – тоже. Лидера нет – нет и команды. Остается, пожалуй, лишь сдать штабную комнату коменданту ДК, опубликовать соболезнование, помочь родственникам организовать похороны и поминки. И всё.

Минут через тридцать все формальности были закончены. Игорь со Славиком вышли на улицу.

– Слушай, Вячеслав Сергеевич! Надо же сообщить семье. Где он жил? Это же по телефону говорить нечестно. Ты адрес знаешь? Может, съездим вдвоём?

На лице Славика отразилось душевное смятение. Он криво усмехнулся.

– А какой семье? Он ведь был второй раз женат. Да и родители ещё живы.

– Ну, это уже нас не сильно касается. Наше дело – нынешней супруге сообщить. А дальше оно и без нас закрутится... Да... Слез теперь будет...! Кстати, ты его семью хорошо знаешь?

– Как тебе сказать? С женой знакомы довольно давно, ребёнка несколько раз видел издали. Но близких отношений нет.

– Давай-ка, мы с тобой позвоним Свешникову, чтобы он оповестил всех, кого нужно, по избирательной команде и по службе. А мы прямо сейчас поедem домой к Ермоленко. Нам это всё же легче сделать. Близким будет нелегко такие известия доставлять.

Славик пожал плечами, кивнул и направился к будке телефона-автомата. Игорь тоже втиснулся в будку. По лицу Славика он видел, как тому было трудно объяснить сложившуюся ситуацию. Наконец, когда удалось растолковать Свешникову случившееся, Славик повесил трубку. Они выбрались из будки и, спустя несколько минут, уже ехали в автобусе в направлении считавшегося новым в городе микрорайона «Кленовая роща», где, как сказал Славик, пять лет назад Ермоленко купил новую небольшую квартиру, и где нынче жила его тоже небольшая и тоже новая семья.

Нажав кнопку звонка, Игорь сообразил, что не знает имени жены Ермоленко, спросил об этом у своего спутника, тот ответил, и в тот же миг распахнулась дверь. На него уставились огромные рассерженные голубые, покрасневшие от слѐз глаза.

– Здравствуйте, Елена Александровна!

Голос Резникова прозвучал как-то хрипло и невыразительно. Славик тоже пробормотал своё приветствие, но стоявшая в дверном проѐме женщина вряд ли его расслышала. Она явно ждала увидеть не их. Непонимающим взглядом она посмотрела на Игоря, потом перевела глаза на Славика, узнала его, вежливо улыбнулась ему и дрожащим низким грудным голосом сказала:

– А Николая Васильевича дома нет.

Сказав это, она едва сдержалась, чтобы не разрыдаться.

Славик прятал взгляд и мялся на месте, не произнося ни слова. Игорь решил взять инициативу на себя, хотя язык словно одеревенел и никак не хотел шевелиться во рту.

– Елена Александровна, мы пришли, чтобы сообщить Вам... Вы только так не волнуйтесь...! Ну-у! В общем, Ваш муж... Он сегодня ночью погиб при невыясненных пока обстоятельствах...

Ему показалось, что смотрящие на него глаза стали вдруг медленно чернеть, потом женщина побледнела, как-то жалко вздрогнула своими худенькими плечами и, покачнувшись, теряя сознание, начала оседать на пол. Резников едва успел подхватить её на руки. Вместе со Славиком они внесли её в квартиру и аккуратно положили на диван. Игорь потёр ей виски.

– Слава! Воды!

Славик метнулся на кухню, загремел какой-то посудой, отыскивая подходящую. Потом раздался шум воды. Наконец он торопливо вышел из кухни, осторожно неся впереди себя огромную чашку и стараясь из неё не расплескать. Игорь приложил чашку к губам женщины. Вода потекла по лицу, по длинной белой шее. Часть её всё же попала между сомкнутыми губами, и ресницы женщины, дрогнув, приоткрылись. Во взгляде появилась осмысленность, затем, видимо, вспомнив страшную новость, она резко дернулась, чтобы сесть. Опершись на руку Резникова, она сумела принять нужную ей позу, бессильно откинулась на спинку дивана и вытянула ноги.

– Извините, я вас напугала...

– Да, что Вы! Это Вы нас простите за такое дурацкое поведение. Надо же было хоть как-то Вас подготовить...

Резников по-прежнему вёл разговор практически один. Слава не участвовал в нём и как-то виновато отворачивался, шаря странным бегающим взглядом по комнате. Елена Александровна перевела взгляд на него.

– Славик! А ты почему молчишь? Что же там случилось?

– Понимаешь, Лен! Мы ничего не знаем. Его сегодня утром нашли в чужом дворе на другом конце города уже без признаков жизни. Его убили ножом. Вот и всё, что нам известно.

Она, не отводя взгляда от Славика, тяжело вздохнула.

– Господи, хорошо ещё, что Ванюшка в садике и всего этого не слышит... А как Коля туда попал?

Славик пожал плечами и снова отвёл глаза.

– Мы не знаем. Его вчера отвезли сюда, к вашему дому. Вернее не вчера, а уже сегодня. Был, я думаю, второй час ночи. Нас всех этой машиной развозили по домам.

Она сидела, неподвижно уставив глаза в пустоту. Некоторое время все молчали. Никто не знал, что говорить и делать дальше. Потом она медленно и тяжело поднялась и, как-то напряжённо переставляя ноги, подошла к секретеру, открыла его, достала какой-то пузырёк и пошла на кухню. Оттуда потянуло сильным запахом валерьянки. Резников и Славик молча ждали. Она вышла из кухни. Когда она показалась в дверном проёме, Игорь сквозь тонкую ткань домашнего халатика неясно различил её тонкий силуэт. На посеревшем лице, контрастно оттенявшемся пёстрой косынкой, покрывавшей волосы, залегли вокруг глаз синеватые круги.

– Ладно, мальчики. Я теперь буду в порядке. Мне нужно просто собраться с мыслями и взять себя в руки. Сейчас я позвоню его и моим родителям. И буду делать всё, что нужно. Спасибо за заботу. Вам, наверное, нужно уже идти? Простите за глупый обморок.

Они встали, неловко попрощались, и вышли из квартиры. На лестничной площадке Игорь остановился и прислушался. Сначала за дверью было совсем тихо. Потом они услышали тихие женские всхлипывания.

Резников обернулся к Славiku и тихо спросил:

– Вы что, в споре?

Славик косо взглянул на него, помолчал некоторое время.

– Мы просто не общаемся. С некоторых пор.

– С каких это?

– С тех самых, как она вышла замуж за Ермоленко.

И он многозначительно умолк, оставляя Игорю возможность додумывать остальное самостоятельно.

– Поня-а-тно!

Резников, поразмышляв немного об услышанном и, тяжело вздохнув, двинулся вниз по лестнице. Славик спускался следом.

7

По радио передавали фортепьянные этюды Шопена. За распахнутым окном кухни лёгкий ветерок шелестел листвой высоких берёз. Солнце клонилось к закату, и его ласковые тёплые лучи косо освещали двор, заплетаясь в берёзовых кудрях, но не попадали в окно, у которого сидел Игорь.

Последние аккорды отзвучали. Слова диктора об окончании музыкальной передачи резанули слух своим обыденным тоном. Теперь прозвучали знакомые позывные программы новостей. Передавали информацию о нападении чеченских боевиков во главе с Басаевым на Дагестан. Игорь насторожился. Ну, этого им нельзя прощать! Это уже полный беспредел. А дагестанцы-то молодцы. Хорошо им дали по зубам. Этот новый глава правительства Путин, похоже, воспользуется ситуацией как надо!

Резников встал и выключил радио. Наступила ласковая усыпляющая тишина нарушаемая звуками шагов и негромкими голосами возвращающихся с работы людей.

Потом он удавил в пепельнице очередной окурок «Честерфилда». Всыпав в ручную мельницу, которую очень любил и всегда возил за собой, горсть коричневых пахучих зёрен, он принялся тщательно их перемалывать. Он всегда молот кофе до состояния пыли, так нельзя было смолоть в электрической кофемолке. Это, конечно, отнимало больше времени, но в награду он получал такой неповторимый аромат! Потом он засыпал порошок в старую турку, залил его холодной водой и поставил на слабый огонь. Через некоторое время любимый бодрящий напиток был готов и налит в большую кружку. Игорь смотрел на поднимающийся над ней парок и вновь, как и всегда, испытывал своеобразное вожделение.

Сделав первый глоток, он прикрыл веки, смакуя привычный, но такой желанный вкус.

События сегодняшнего дня каким-то образом вывели его из состояния растерянности, в котором он пребывал уже достаточно долго. Это он осознал совершенно ясно. Видимо, встряска пошла на пользу. Что ж! Нет худа без добра!

В памяти почему-то снова всплыли слова того парня из милиции, который проводил опознание. Удар ножом был всего один, но какой! Убийца вонзил клинок в нижнюю часть его печени, а потом провернул его так, что часть её оказалась напрочь отсечённой. Такой удар был смертелен наверняка. А лезвие! По форме раны на коже получалось, что оно было шириной около трёх сантиметров. Это был не просто нож. Это было серьёзное оружие. Игорю приходилось видеть что-то в этом роде во время службы в армии там на юге. Его и самого обучали таким ударам. Да. Это – профессионал. Значит, был заказ? Очень похоже, хотя не факт. Убили его в чужом дворе, далеко от дома. Именно убили, а не привезли туда мёртвого. Так сказал мент. Но это означает, что сначала его туда доставили на машине, в которую он сел живым в собственном дворе, поскольку именно туда его привез Степанцов из штаба. Его, конечно, ждали. Но, чтобы сесть ночью в машину, он должен был либо хорошо знать этого человека (или людей?), либо услышать что-то такое, что не вызвало сомнений в необходимости поездки в такой час, ... либо его просто как-то вывели из строя и в качестве груза увезли. Но, если это заказ, то зачем вообще увозили убивать в другое место? Могли просто грохнуть в подъезде и вся недолга. Столько лишних действий! Столько риска, между прочим! А вдруг кто-нибудь увидит и запомнит что-нибудь существенное! Нет. Совершеннейший бред, да и только!

Допив кофе, Игорь горячей водой помыл посуду, тщательно вытер её и, немного подумав, подошёл к телефону.

Он набрал номер и долго слушал длинные низкие телефонные гудки в трубке. Потом что-то щёлкнуло и раздался тонкий дребезжащий женский голос:

– Алло, Вы чего хотите?

– Наталья Сергеевна, здравствуйте! Это Резников Игорь. А Володя дома? Можно его к телефону?

– Да-да, Игорёчек, здравствуй! Сейчас позову. Он только пришёл.

Он слышал, как она звала своего сына к телефону.

Степанцов взял трубку и, что-то дожёвывая, как-то суетно затараторил:

– Здорово, Игорь! Ни хрена себе, новости! Это ж я его, получается, последний видел живым, представляешь! Щас на меня эти сыскари знаешь как напали?! Я вот только от них заявился. Похоже, они меня подозревают. Совсем охерели! Зачем это нужно мне-то?!

– Слышь! Ты чего дёргаешься, как кое-кто под клиентом! Разберутся!

– Разберутся?! Жди! Они решили, что я его отвёз не домой, а в тот двор.

– Вов! Не секутись ты, я тебе говорю! А то они как раз и подумают: раз ты под себя делать начал, значит есть от чего. Мне тоже, кстати, это совсем не нравится!

– Да ты что, Игорёк! Совсем сбрендил?! Ты это всерьёз?

– Нет. Не всерьёз. Но и трепет твой душевный выслушивать противно. У людей горе, а ты в штанишки писаешь! Ты ж не шкура какая! Скажи-ка лучше, о чём они тебя там спрашивали, да что ты им рассказал?

– Ладно, прости! Я что-то действительно не в форме. Что спрашивали, говоришь? А тебе зачем? Мне велели не болтать.

– Да ты знаешь, как-то в голове не укладывается всё это. Его ж могли прямо в подъезде... Зачем было куда-то везти?

– Они про то же самое пытались. А ещё, не видел ли машин каких-нибудь поблизости или людей? Да только не видел я ничего такого. Машины, правда, у въезда во двор стояли. Штуки три. Но какое это имеет отношение? Они же просто запаркованы там были на ночь. Я им так и сказал.

– Ну да. Запаркованы. А какие машины? Марки? Цвет?

– Да ты чего? Ночь же! Какой цвет? Они все тёмные. Это точно. А цвет – это я не скажу, не разглядел. Да и не смотрел я. Зачем мне это было? Одна, правда, из них вроде иномаркой была. Солидная такая. Вот она – то ли вишнёвая, то ли коричневая. Её мои фары подсветили. А марка... Пожалуй, «Фольксваген». Этот, как его, ... «Пассат». А остальные – наши, «жигулёнки». Но на модели я не обратил внимания. Только людей в них не было. В этом я уверен.

– А ты во двор заезжал? Или, может, выходил проводить его до подъезда?

– Нет, не заезжал, и не ходил провожать. Мне и в голову ничего такого не пришло бы. Теперь жалею об этом, конечно. А ночью...! Да и спать мне сильно хотелось. Так что я его высадил на улице у ворот его дома и сразу уехал. А они, представляешь, мне давай мозги компостировать, мол, это я его отвёз не домой, а в тот чужой двор. Мол, алиби у меня нет. Придурки!

– Ну, хватит, хватит! Разберутся. Не бойсь. А скажи ещё, окна с этой стороны все тёмными были, или где-нибудь был свет?

– Не знаю. Не помню. Вроде бы все тёмные. Да, точно. Тёмные. Он ещё сказал тогда, мол, смотри, Володя, все, как есть, нормальные люди уже давно спят. Только мы тут с тобой дурью маемся. Да. Это он на окна так глянул, а потом и сказал.

– Поня-а-тненько. Ну ладно, Вован. Не буду больше тебя допрашивать. Да, честно говоря, я и сам не знаю, зачем мне всё это. Просто как-то не идёт из головы. Представляешь, его сын придёт из садика и спросит: где отец? Как ему такое объяснить? Да и жена у него такая... беззащитная! Как она теперь одна будет сына поднимать?

– Ну, почему одна? У неё родители есть, да и его старики живы. Помогут, а как же! Хотя, ты прав, жаль их, конечно.

Положив трубку, Игорь постоял у телефона, задумавшись. Потом он набрал код Сочи и номер своего бывшего домашнего телефона.

– Лариса? ... Да, это я. Ну, как вы там? Как Оленька?

Некоторое время он слушал молча.

– А что тут такого? Тоскую я без дочери. Она мне каждую ночь снится... Нет. Ещё не устраивался никуда. Тут одна неприятность... Ну, почему, как всегда? Ничего особенного. Да и не со мной неприятность, а с одним парнем. Я просто на него в перспективе думал поработать... Лариса! Хватит ерунду городить... Не хочу я об этом даже разговаривать. Просто передай Оле, что я звонил, что люблю и крепко целую. К новому году постараюсь прилететь повидаться. Пусть ждёт. Я обязательно какой-нибудь подарок привезу... Слушай, не зли меня! Хватит! Передай всё, что я сказал, и будь здорова...!

Резников раздражённо швырнул трубку. Вот же стерва! Уже два месяца, как развелись, а она всё ехидствует: Неудачник! Трудоголик! Строит из себя целиком положительную мать! А сама по слухам уже за нового мужика замуж собралась. Любовников ей мало! Бедным будет тот парень. Да и фиг с ней! Пусть живёт, как знает! Вот только Олечка! Как же её недостаёт! Этот суд, мать его... Со мной ей точно лучше было бы. Да разве докажешь! Она мать! С ней, видите ли, ребёнку будет спокойнее! Куда там!...

Игорь ожесточённо пнул попавшийся под ноги табурет.

Мысли всё же снова возвращались к убийству Ермоленко. Расставив широко ноги и засунув большие пальцы рук в карманы тесных чёрных джинсов, он остановился у окна и отрешённым взглядом долго смотрел на двор.

Чего Степанцов психует так? Он же нормальный мужик! В армии бывало и похуже! С собой рисковал. Особенно тогда в рейде! И никогда не боялся за свою задницу. Даже в крутых ситуациях не любил стрелять. Всё старался руками, ногами да ножиком управиться. И получалось... А киллер этот явно похожую «школу посещал!» Если это, конечно, заказ. А если нет? Ведь может быть просто близкая внешне картина. Может, специально так сделали, чтобы запутать следствие? Но тогда кому же это было надо? Чутьё какая-то! Кому он мог мешать до такой степени...? Господи! Что же за время такое настало! Человек, что муха. Мешать начнёт – враз прихлопнут. Без всяких переживаний, сомнений и прочих слюней...

Звонок телефона вывел его из размышлений. Голос Славика Игорь узнал не сразу, поскольку не слышал его раньше по телефону.

– Игорь Николаевич, простите, что я Вас побеспокоил. Мы тут все подключились к проблемам похорон Ермоленко. Скажите, Вы не сможете тоже в этом поучаствовать? Семья у них не очень-то богатая. Да и мужиков, считай – нет. С работы помощи не ждём, там у нас сейчас на такие вещи денег нет, даже зарплату людям платить пока нечем. Поэтому мы тут решили организовать знакомых ребят: кто деньгами, а кто – и руками поможет. Свешников предложил, чтобы я и Вам позвонил. Говорит, вдруг человек не откажется!

– Слава, это ты что ли? Я тебя сразу и не узнал. О чём речь! Конечно, помогу. А что делать надо?

– Ну, там – с переносом тела. Может, ещё чего. Но это потом. А завтра мы собираемся в девять утра, чтобы всё обговорить. Подойдёте?

– Конечно. А куда?

– Да встретимся около подъезда, где он жил. Поднимемся все вместе к Лене..., к Елене Александровне... Там всё и обсудим.

– Ладно. Договорились. Я буду там в девять.

Поговорив со Славиком, Игорь заглянул в холодильник и, не обнаружив там ничего съедобного, решил сходить куда-нибудь поужинать. На часах было около восьми часов вечера. В принципе, в такое время должны работать вечерние кафе и рестораны. И он отправился на поиски одного из них.

8

Приехав в центр города, он довольно быстро отыскал небольшое вечернее кафе-бар «Светлана». Посетителей было немного. Игорь занял место за столиком в углу и сел так, чтобы видеть всё происходящее в кафе. Зал был крохотный. Всего шесть столиков и стойка бара. Интерьер зала производил хорошее впечатление. Хозяева постарались. Было как-то очень солидно и уютно в то же время. Интимное освещение позволяло оставаться, как бы, не на виду. За стойкой работал бармен, чуть постарше Игоря, в белом, хорошо сшитом пиджаке, и с чёрным галстуком «бабочкой». Длинные волосы аккуратно стянуты на затылке. За его спиной тускло сверкал целый вернисаж бутылок. Он ловко смешал в миксере какой-то коктейль, выплеснул его в высокий тонкий стакан, бросил туда же соломинку и толкнул стакан по поверхности стойки прямо в руки девушке, сидевшей на высоком табурете у бара.

За одним из столиков в зале сидели мужчина и женщина, одетые вполне по вечернему. Женщина сидела спиной к Игорю, и он не видел её лица. Копна каштановых волос рассыпалась по её открытым плечам. Изящная рука, опираясь локтем о стол, удерживала тонкими пальцами длинный чёрный мундштук с дымящейся сигаретой. Мужчина, сидевший напротив, был в хорошем тёмном костюме, ярком модном галстуке, с короткой стрижкой густых чёрных блестящих волос. Перед ним на столике лежала пачка «Marlboro», но он не курил. Его карие миндалевидные глаза смотрели на женщину. Он улыбался и что-то тихо и настойчиво ей внушал. Игорь оценил прелесть простоты лёгкого дорогого платья, подчёркивающего изящную фигуру женщины.

Подошла молоденькая официантка. Игорь заказал себе ужин. Девушка открыла бутылку минеральной воды, налила её в бокал и ушла выполнять заказ. Он закурил и отхлебнул из бокала в ожидании своего ужина. Поскучав ещё немного, он встал и направился к бару.

– Плесни-ка мне, приятель, порцию виски со льдом.

– Вам какого?

Резников оглядел этикетки.

– Ну, давай «Jonny Worker». Black label.

Бармен с невозмутимым лицом быстро выполнил его заказ.

Игорь рассчитался и, присев здесь же на высокий табурет, стал прихлёбывать понемногу из низкого толстостенного стакана.

– Скучаете?

Резников обернулся на голос. Девушка, сидящая недалеко от него у бара, держала в руке сигарету и выжидательно смотрела на него.

– Ну, в каком-то смысле – да.

Он протянул руку, щёлкнул зажигалкой и она, неторопливо и со вкусом прикурив, вызывающе глянула ему в глаза. Ей было никак не больше двадцати. Она смотрелась как девушка из хорошей семьи. В другой ситуации по её внешнему виду он вряд ли бы смог угадать очевидный для него сейчас характер её работы. Игорь никогда раньше не пользовался услугами проституток: брезговал. Поэтому у него отсутствовал и опыт общения с ними. Эта девушка вызывала у него любопытство.

– Как мне Вас называть?

– Ольга.

Её звали так же, как и его дочь. Впрочем, это, возможно, и не настоящее имя. Он с интересом окинул её взглядом. Точёная фигура, длинные стройные ноги, красивая нежная кожа персикового оттенка, ухоженные тёмно-русые волосы, зелёные глаза. Она отлично смотрелась бы даже на сцене. Игорь с удивлением отметил про себя, что никакого чувства брезгливости она у него не вызвала.

У неё был мягкий грудной голос.

– Мы будем на «вы» или на «ты»? И как мне Вас называть?

В глазах мелькнула смешливость, видимо свойственная её характеру. Он ответил не сразу. Пожалуй, врать не имело смысла.

– Игорь. Если хочешь, давай на «ты». Может, ты сядешь за мой столик? Я, вообще-то, пришёл сюда поесть. С утра проголодался, а дома пустой холодильник.

– Поужинать я не против.

Игорь допил виски, и они перешли за столик. Появившаяся официантка расставила принесённый Игорю ужин и, вопросительно глянув на девушку, достала свой блокнотик и карандаш.

– Мне тоже самое.

– И всё?

В её тоне проскользнуло плохо скрываемое презрение. Игорь решил вступить за свою новую знакомую.

– Принесите нам шампанского. И не позволяйте себе, пожалуйста, демонстраций.

Официантка едва заметно дёрнула плечиком и, бросив на него слегка разочарованный взгляд, гордой походкой удалилась исполнять поручение.

Бармен за стойкой поколдовал над скрытой в недрах его маленького царства стереосистемой, и помещение кафе наполнилось звуками музыки. Игорь узнал сразу эту знакомую ему с детства аранжировку. Романтическое и мощное звучание оркестра Поля Мориа нравилось ему всегда. Столики постепенно заполнялись посетителями. Публика была, пожалуй, несколько однообразна. Род занятий этих людей легко определялся по весьма приличному внешнему виду и диссонирующей с ним манерой общаться и вести себя. Это были явно разного рода предприниматели, причём преимущественно – торговцы, шумные, немного пошловатые, любящие покутить. Появилась и группа из четырёх крепких парней с туповатыми лицами и двух крикливо разодетых и раскрашенных девиц. Ольга незаметно бросила на них взгляд и сразу же отвела глаза. Игорь усмехнулся. Вернулась официантка. Она ловко расставила на столике всё принесённое, открыла бутылку шампанского, наполнила два бокала, и опустила бутылку в ведёрко со льдом. Затем она удалилась, никак не продемонстрировав на этот раз своего отношения к происходящему. Они чокнулись и выпили за знакомство. Ольга весело и с аппетитом начала поглощать свой ужин. Некоторое время они, занятые едой, молчали, лишь поглядывая друг на друга. Вдруг девушка прыснула от подавляемого смеха.

– Хорошо сидим.

Игорь тоже улыбнулся и наполнил бокалы снова.

– Ты знаешь, я в такой ситуации впервые. И что-то совсем не представляю, о чём удобно говорить.

– Если ты не возражаешь, мы не будем говорить о политике и о курсе доллара.

Её глаза искрились едва сдерживаемым смехом.

– Не возражаю. Но тогда о чём?

Она сделала на лице неприступное и чванливое выражение, выпрямила спину, приподняла подбородок.

– Сегодня прелестная погода, не правда ли?

Теперь рассмеялся Резников. Она действительно выглядела забавно.

– Чёрт! Прости! Я, наверное, совсем идиот.

– Прощаю. Не совсем идиот.

Говоря это, она светилась горделивым великодушием. Потом она, улыбнувшись, наклонилась через стол и ласково сказала:

– Но всё-таки немного ду-ра-чок!

И негромко, но заразительно расхохоталась, откинувшись на спинку стула.

Игорю стало легко. Неловкость исчезла.

– Тебя зовут так же, как и мою дочь.

Она сразу же посерьёзнула. Помолчав и прихлебнув из бокала, она спросила:

– Сколько ей лет?

– Пять.

– Ты её любишь?

– А ты бы её видела! Это такой смешной и симпатичный человек!

– Если не хочешь, не рассказывай.

– Ну, почему...? Суд, развод, дочь оставили с матерью, а я уехал сюда.

Он замолчал.

– А без развода было нельзя?

Он прикурил сигарету, выпустил несколько аккуратных колечек дыма и тоже прихлебнул шампанского.

– Я её никогда не прощу. Мужики такого не прощают. Невозможно простить!

– Тебе, наверное, неприятно об этом...

– Ничего. Я уже начал привыкать. Просто по дочери скучаю. А к ней – ничего, кроме злости.

Резников, чтобы Ольга не видела его глаз, отвернулся, и принялся разглядывать сквозь дым от сигарет, который уже плотно висел в воздухе, лицо мужчины в строгом костюме. В нём было что-то кавказское. Его спутница поднялась из-за столика и направилась к выходу, пробираясь грациозно и уверенно между несколькими танцующими парами. Игорь проводил её глазами. Женщина была очень эффектна. Одна походка чего стоила! Когда она выходила из полумрака зала в ярко освещённое фойе, сквозь ткань её платья стал виден стройный силуэт. Она мельком оглянулась. Игорь вдруг ощутил какое-то неуловимое беспокойство.

– Нравится?

Ольга смотрела на него с усмешкой, но во взгляде была заметна ревнивость.

– Хороша.

– Я, вообще-то, тоже ничего себе!

Резников смутился.

– Прости. Это, наверное, бестактно? Ты и, правда, замечательно выглядишь.

– Послушай, что мы всё сидим? Пошли танцевать?

– Это идея!

И они быстро влились в компанию танцующих. В танцах Игорь был не очень силен. Он предпочитал медленные мелодии, вроде блюза. Ему повезло. Звучал блюз. Ольга двигалась легко, раскованно, пластично. Её тело было очень податливым и выразительным. Он ощущал её прикосновения во время движений. Девчонка была просто обворожительна! От её волос шёл какой-то очень тонкий и волнующий аромат. Игорь чувствовал, что она ему всё больше нравится. В ней одновременно был шарм сексапильной женщины и прелесть неиспорченной девушки. Он уже был уверен, что она никакая не проститутка, что он ошибся, что она просто выбрала такой вызывающий способ знакомства.

– Ты сейчас подумал, что я совсем не похожа на проститутку.

Он даже остановился от неожиданности. Их тут же толкнула соседняя пара, и он вынужден был продолжить танец.

– Ну, ты даёшь...!

– По твоим глазам можно читать, как по букварю! Я никогда не видела таких раньше.

– Глаз?

– Глаз... Вернее людей с такими глазами.

Он помолчал, всё ещё удивлённый.

– Слушай, а я могу у тебя спросить...?

– Правильно ли ты подумал?

– Н-ну, да.

– И ты мне поверишь, если я отвечу, что правильно?

– А разве я ошибся?

– Знаешь, будет лучше, если ты поверишь не мне, а самому себе. Но для этого, видимо, потребуется какое-то время.

– Ты хочешь продолжить наше знакомство?

– Да... И прямо сейчас! Может, мы куда-нибудь уже пойдём? Или ты против...? Расплатись и жди меня на улице. Хорошо?

Он кивнул.

Выйдя на улицу, он вдохнул свежий вечерний воздух полной грудью. Едва он успел подумать: не взять ли машину? – как появилась «Волга» со светящейся надписью «taxi», летящая в его сторону. Он шагнул к краю тротуара и, поднимая уже руку, почувствовал сильнейший толчок в спину. Падая на дорогу, он ещё видел ослепительный свет надвигающихся фар и слышал визг тормозов...

9

Звон в ушах не давал ему сосредоточиться. Но он напрягся и попробовал открыть глаза... Получилось. Хоть и с трудом. Взгляд упёрся во что-то белое, покрытое ровной сеткой мелких дырочек. Наконец, он сообразил, что лежит на спине, а над ним – внутренняя обивка крыши в салоне автомобиля. Сознание вернулось. Повея глазами, он обнаружил сидящую рядом полную женщину в белом халате. Тут же он услышал радостный голос:

– Он открыл глаза!

Посмотрев в ту сторону, он увидел зарёванное, но счастливое лицо Ольги. Полная женщина тут же озабоченно склонилась к нему.

– Вы меня слышите?

– Слышу.

Он не услышал и сам того, что попытался сказать. Но женщина поняла его.

– Вы пока не пытайтесь двигаться и не разговаривайте. Мы Вам оказали помощь. Ничего страшного. Вам здорово повезло: отделались ушибами. Может, сотрясение мозга. Но вряд ли сильное.

Медичка говорила короткими рублеными фразами. К Игорю возвращалось ощущение собственного тела, но это его не радовало: боль ощущалась в локте правой руки, в левом боку и бедре, в правом колене, и ныла, казалось, вся голова целиком.

– Что это со мной было?

Он с трудом прохрипел эти слова, но на этот раз его уже было слышно.

– Тише, Игорёчек, не разговаривай!

Ольга умоляюще положила ладонь на его бедро.

– Тебя сбила машина. Свидетели говорят, что ты сам упал на дорогу. Больше никто ничего не видел. А таксист еле-еле успел затормозить, но удар, всё же, получился сильный.

Игорь вспомнил свет фар, визг колёс.

– Кажется, мне кто-то здорово помогал с этим суицидом.

Голос был уже лучше, но ещё слабый. Женщина в белом халате внимательно посмотрела на него.

– Вы хотите сказать, что это не несчастный случай?

– Конечно, нет! И неужели я похож на самоубийцу? Хотя, сейчас, наверное, похож. Оль, а ты тоже ничего не видела?

– Нет. Я вышла из туалетной и через уличную дверь услышала удар. Но не подумала, что это с тобой несчастье, а просто из любопытства бросилась посмотреть. А там был ты, и я чуть не умерла от ужаса.

– Ничего. Кажется, я везучий. И хорошо, что ты здесь со мной... А куда это мы едем?

Женщина в халате пожала плечами.

– В травматологию, куда же ещё. Вот сделаем снимки, посмотрим, нет ли трещин? Про-наблюдаем, нет ли сотрясения? А там и решим, что с Вами делать.

Все замолчали. Ольга не убирала руку с его бедра. Ему от этого становилось спокойнее. Она смотрела на него встревоженным взглядом заплаканных глаз. Он чувствовал прилив благодарности и нежности к этой девушке, и совершенно забыл, за кого он её вначале принял. Было такое ощущение, что они давным-давно знакомы.

В травматологии после всех необходимых обследований ему сообщили, что трещин и переломов нет. Сотрясения, видимо, тоже. И вообще он родился в рубашке. И должен водителю такси памятник при жизни соорудить. Ему поставили какой-то укол, дали на дорогу горсть таблеток, велели больше не прыгать под машины и другие транспортные средства, и рас-прощались. Ольга ждала его в приёмном покое. Когда он появился из-за стеклянных дверей,

прихрамывающий, но довольный, она бросилась к нему и, обняв, осторожно положила голову ему на грудь.

– Всё в порядке? Отпустили домой?

– Отпустили. Велели денёк-другой побыть дома и отоспаться.

– Я еду с тобой. Не спорь! Я сейчас поймаю машину, а ты подожди меня здесь.

Она отправилась искать такси. Он, собственно, и не пытался спорить. Когда они, наконец, оказались в машине на заднем сиденье и поехали по названному им адресу, Игорь ещё раз в полголоса пересказал ей, как было дело. Ольга нахмурилась и замолчала. Потом заглянула ему в глаза и спросила:

– Это может быть случайностью? Ну, скажем, тебя с кем-то спутали?

– В принципе, конечно, может. Интересно только, с кем это? Ясно лишь, что нечаянно так толкнуть не могли. Там ведь никакой толпы не было.

– Значит, это сделали по ошибке.

В её голосе была, хоть и несколько наигранная, но уверенность. Она осторожно прижалась к его щеке. Волна нежности поднялась и захлестнула Игоря. Он отыскал в темноте автомобильного салона её полуоткрытые, влажные и горячие губы, и бережно прикоснулся к ним своими. Ольга ответила на поцелуй с готовностью и лаской, обняв его шею тонкими нежными руками. Потом они долго молча сидели, сцепив пальцы рук и прижавшись друг к другу плечами... Время было очень позднее. На дороге было практически пусто. Только изредка свет встречных машин освещал их лица. Да в зеркало заднего вида одинокая пара чьих-то сильных фар всё время издали слепила Игорю глаза.

– Оля!... Ты останешься сегодня у меня?

Она, не отвечая, потянулась к его лицу, и он ощутил на своих губах её солёные слёзы.

– Почему ты плачешь?

– Не знаю... Но мне очень хорошо...

Её шёпот был едва слышен, но горячее дыхание не позволяло спутать смысл фразы...

– Вот здесь. Поверните во двор... Да. И вон к тому подъезду, а то мне идти тяжело.

Он расплатился с водителем и с помощью Ольги выбрался из машины. Стояла тишина. Только отдалённый звук медленно проехавшей по проспекту легковушки нарушил её. Хлопнула дверь такси, и машина, порывивая густым басом, осторожно выбралась из тёмного колодца двора. Теперь всё стихло окончательно. Игорь поднял голову и посмотрел в небо.

– Посмотри, что там творится!

– Господи! Сколько же их! И какие яркие!

– Они в твоих глазах отражаются...

Ольга тихонько рассмеялась и коснулась лбом его плеча.

– Ну? Пошли?

– Пошли.

Игорь, опираясь на её тонкую, но твёрдую руку, неуверенно заковылял к двери подъезда. Лифт работал. Они поднялись, довольные, что не пришлось идти пешком на пятый этаж. В квартире так и оставалось открытым кухонное окно, и поэтому все тихие ночные звуки присутствовали в ней, словно вокруг был лес. Осторожно, чтобы не шуметь, прикрыв за собой входную дверь, они остановились в прихожей. Ольга, задрожав, всем телом прильнула к Игорю и, охватив его лицо тёплыми ладонями, стала ласково и медленно целовать его в лоб, нос, подбородок, губы. Он отвечал ей взволнованно и нежно. Это чистое ощущение он не испытывал уже так давно! Её руки скользнули под его футболку, что доставило ему потрясающее и забытое наслаждение! Он прижал её к себе и, задохнувшись от прикосновения маленькой упругой груди, потянул её за собой в пустую комнату...

Игорь проснулся от тёплого луча солнца, ползущего по его лицу, но глаз открывать не хотелось. Он ощущал сильную ноющую боль в местах ушибов, но его переполнял такой

покой, что не было никакого желания шевелиться. На полу было жёстко, но он не хотел ещё вставать. Он повернул голову вправо, туда, где слышалось ровное глубокое дыхание другого человека, и посмотрел сквозь прищуренные веки. Ольга лежала, раскинув руки, губы чуть открыты, длинные чёрные ресницы подрагивали во сне, густые волнистые тёмно-русые волосы разметались по подушке, маленькие розоватые соски были вызывающи и соблазнительны, остальное скрывалось под одеялом. Игорь потянул это одеяло за краешек. Ольга шевельнулась, повернулась на левый бок и приоткрыла глаза. Её взгляд, ещё сонный, был покоен и ласков.

– Ты уже не спишь? Как твои раны?

Голос с хрипотцой от сна был тих и обворожителен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.